

Иван Тертычный, известный русский поэт и прекрасный человек, ушёл от нас совсем недавно — в один из осенних ноябрьских дней. Но настоящие поэты, как известно, не умирают. И эта публикация — подтверждение вечной истины. Иван Тертычный — лауреат Всероссийской премии Николая Гумилёва. Автор книг поэзии «Подорожная», «Когда-нибудь...», «Лунный снег», «Живая даль» и других. У него вышло нескольких книг прозы, а также было много публикаций в журналах «Молодая гвардия», «Дон», «Наш современник», «Подъём» и других.

Ещё довольно в воздухе тепла...

Из Москвы уезжая в Россию
На исходе осенней поры,
Не поддался зелёному змию
И соблазну дорожной игры.

Широко у вагона окошко!
И дорога —
 железна, пряма!..
Только б денег побольше немножко,
И немножко побольше ума,

Чтоб талант не зарыть, поспешая
В чернозём лебедянский и чтоб...
А луна-то какая большая!
А какой пробирает озноб!

И шумит набегающий с Дона
Ветерок,
 оттенённый дождём,
И мерцает огромной иконой
Уплывающий в ночь окоём...

Высоко над полем скошенным
коршун тягостно парит,
пышно пахнет сеном
 сложенным,
зной, играючи, горит.

За садами ослепительно
золотеют купола.
Над обрывом примирительно
никнет старая ветла.

Вид знакомый, притягательный,
неизжитый,
 древний вид.
Но отметит глаз внимательный:
коршун тягостно парит...

Не видно в лужах отражений
Небесных и земных движений.
Не видно. Нет.

Души великое сиротство,
Зари холодное господство,
Пустынный свет.

Что значу я в минуты эти
На этом бедном белом свете?
Чего хочу?

Молчит душа. Молчит природа.
Такого ли я ждал исхода?
Молчать? Молчу.

Ещё довольно в воздухе тепла.
Ещё не всё додумано до точки.
Ещё трепещут на ветру листочки.
Ещё по-детски родина мила.

Ещё не плещут сутками дожди.
Ещё любовь в душе не поуасла.
Ещё земля зелёная прекрасна.
Ещё большая радость впереди.

Ещё волнует до слезы строка
Прочитанного в сотый раз поэта.
Ещё есть счастье на Земле. Но это...
Давай об этом помолчим пока.

Так мала эта тень! Не пугайте её,
Не топчите случайно ногами.
Предпоследнее дело сейчас у неё —
Плыть да плыть... уплыть с облаками.

Отлетали снежинки, звенит комарьё.
Огоньки распыляются в храме...
Вот и лёгкая тень... И движенье её
Ощутимо немногими, нами.

Светит солнце. Сомлело под липой жильё.
Сны плывут над давнишними снами.
Так легка её тень! Не тревожьте её,
Уплывает она с облаками.

Утренние птицы

Разве вам я — помеха?
Разве вам я чужой?
Я — легчайшее эхо
С незаметной душой,
Эхо чьих-то печалей,
Эхо бед и побед;
Может, вы замечали,
Что я молод и сед?
Это вроде по-птичьей,
Это вроде бы в масть...
И в таком вот обличье
Мог бы к вам я попасть.
Птицы, певчие птицы!
Не помеха я вам.
Я б хотел природниться
К вашим лёгким словам.

Руки матери

Как две усталые надежды,
как две надежды дорогие,
лежат родные, дорогие,
навек утраченные нежность,

былую нежность... Невесомо
висит в ночи свечное пламя...
Они спокойны, точно совесть,
соединённая с делами.

И ты горячею рукою
не рук её сейчас коснулся,
но — сна, но — полного покоя,
который странно затянулся...

Виктору Т.
Девять берёз между мной и другими —
дальними, ближними и дорогими;

Девять берёз —
 и два шага до глины,
мир поделившей на две половины;

Девять берёз между мною и теми,
чьё на земле подытожилось время;

Девять берёз у кладбищенской чащи,
с ветром шумящих,
 поющих, молящих;

Старые сказки о вечном покое!..
Рядом живое. И вечно живое.

Часовня

Шатучий дым над рыженьким костром.
Искристым снегом тронутые сосны.
И дружная работа четвером
в спокойном окружении морозном.

И взгляду сразу почему-то люб
вживающийся в панораму парка
мерцающий в туманце лёгкий сруб,
и любо солнце, глянувшее ярко!

И что с того, что был да вышел век,
что целый свет на этот век в обиде...
Глядит на сруб столичный человек,
впервые въявь живую Русь увидев.

Рассвет явился так открыто,
Так неожиданно. Рассвет...
— Скажи, на сколько лет убиты?..
— Убиты мы на сколько лет?

Стою над братской могилкой —
И вновь седею сердцем я...
— Скажи, а что с моею милой?
— А где, скажи, мои друзья?..

Не я, простите, вам ответчик,
Я сам — мучительный вопрос:
— Зачем тоскою человечей
Томится крест восьмиконечный
И жёсткий свет багряных звёзд?

Как взбадривает дальняя дорога,
как молодит, даря огни надежд!
И кажется: увидеть можно много
и выпить много за один присест.

Как холодит, как веселит вагонный,
неугомонный, частый перестук
колёс — и чистый вид
 Руси исконной
и как просты пожатыя чьих-то рук!

О как непредсказуемо мгновенны
видения давно минувших дней!
Как далеко до Праги или Вены,
до южных и до северных морей!

Как близко, скажем,
 до прекрасной Ржавы!..
А поезд — будто под уклон — летит...
И всё ж, мой друг,
 вы, как ни странно, правы:
как сиротит дорога, сиротит...

Пустошь

Холодным дёрном заплывла канава —
свидетельство забытого труда,
а за канавой тянется заставой
тяжёлая немая лебеда.

Что скрыто там? Натуга ли? Беда ли?
Прощание с любовью навсегда?
Прощение былых грехов? Едва ли.
Стоит молчком немая лебеда.

На госпитальной аллее

Ну и что ж, что на улице осень?
Он, как дару, и осени рад.
Рад увидеть случайную просинь
между туч проходящих подряд.

Он и всякому встречному рад.
Рад случайному слову и взгляду.
Как-никак получил он награду —
этот ветром освищенный сад.